

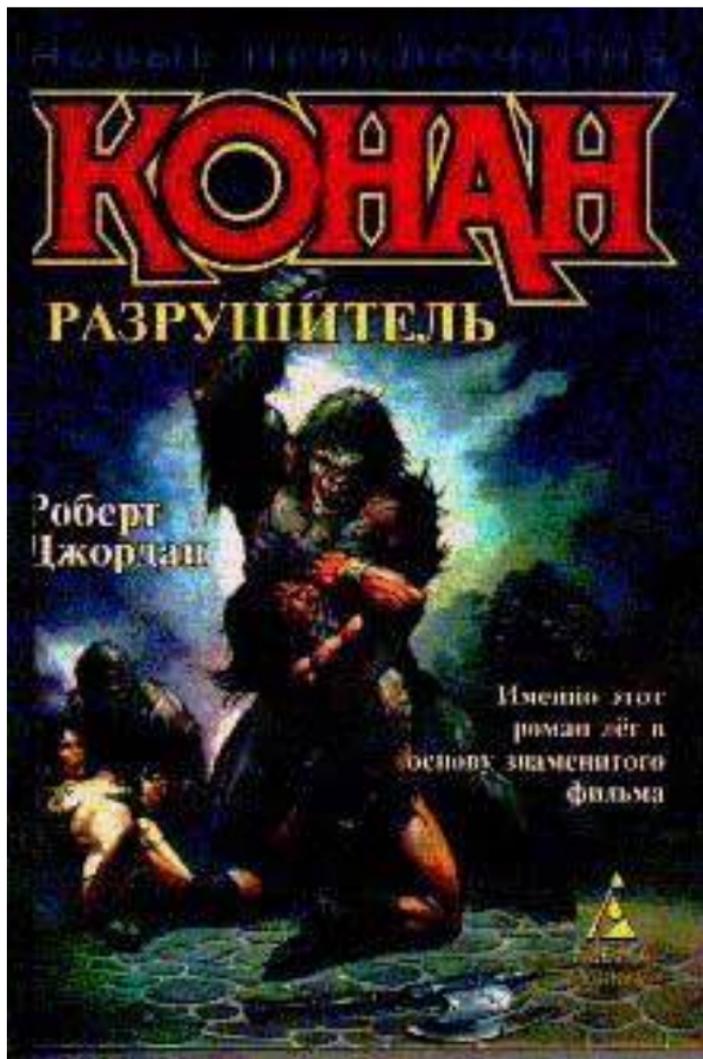
НОВАЯ ПЕРИОДИКА

КОНАН

РАЗРУШИТЕЛЬ

Роберт
Джордан

Именно этот
роман лёг в
основу знаменитого
фильма

Роберт Джордан

Разрушитель

Серия «Конан»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158451
Оригинал: RobertJordan, "Conan the Destroyer"*

Аннотация

Именно этот роман, повествующий о том, как Конан добыл магический камень под названием Сердце Аримана, лег в основу одноименного фильма с А. Щварцнеггером в главной роли.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	29
Глава 4	39
Глава 5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Роберт Джордан

Конан-Разрушитель

Глава 1

Кроваво-красное солнце изжаривало равнину Замора, а заодно и отряд всадников, державших путь по этим каменистым пустынным плато, сменявшимся покатыми холмами. Грудь всадников была защищена кирасой из черного дерева. Головы прикрывали от ударов шлемы с забралом. Кольчуги черного цвета защищали руки. Черными же были и щитки, поднимавшиеся от сапог к коленям. Все до единой части их снаряжения были окрашены в цвет темной ночи. Такие же черные металлические пластины и войлочные попоны с нашитыми металлическими бляхами защищали головы, шеи и бока их лошадей. На бедре каждого из всадников висело по длинной кривой сабле, а к седельным лукам были прикреплены шипастые палицы. Правда, в руках у них вместо ножей было по длинной деревянной дубинке. Были у них с собой и толстого плетения сети, достаточно прочные, чтобы удерживать тигра.

Замыкала процессию повозка на больших колесах, на которой была установлена огромная клетка из металлических прутьев толщиной с человеческое запястье. Возница непре-

станно хлестал двух лошадей, тащивших это сооружение; он должен был не отставать от колонны, которая, несмотря на жару и вес доспехов, отягощавших лошадей, держала очень приличный темп езды, и казалось, ничто на свете не будет способно заставить всадников хоть на миг притормозить на пути к их загадочной цели.

Тот, кто возглавлял отряд, был едва ли не на голову выше любого другого, а также заметно шире в плечах. О его высоком положении можно было догадаться по искусной золоченой резьбе, покрывавшей кирасу. Там, среди арабесок, изготовился к прыжку золотой лев. Тонкие, побелевшие от времени шрамы на лице воина – один – через переносицу, а другой – от угла глаза через всю щеку к подбородку – давали понять, что этот человек не был чужд военному делу. Правда, сейчас эти шрамы были почти скрыты дорожной пылью, оседавшей на потной коже лица плотным слоем.

– Бесплезно, – пробормотал он почти про себя, – проклятье, абсолютно бессмысленно.

– Во всем, что я делаю, всегда есть смысл, Бомбатта.

Большой, сильный человек вдруг боязливо сжался, когда к нему галопом подлетел один из всадников, чье лицо помимо шлема было укрыто еще и маской из черной мягкой кожи. Он-то был уверен, что дальше его собственных ушей эти проклятья не долетят.

– Я просто не вижу необходимости... – он начал осторожно оправдываться, но второй всадник, чей голос, даже при-

глушенный маской, не утратил командного тона, резко оборвал его:

– Что должно быть сделано – должно быть сделано, как гласят древние Свитки Скелов. Именно так там и написано, Бомбатта.

– Что вы прикажете, – неохотно согласился тот, – будет исполнено.

– Разумеется, Бомбатта. Но я чувствую повисший в воздухе вопрос. Ну же, спрашивай. – Высокий воин продолжал, в сомнениях, молчать. – Говори же, Бомбатта. Я приказываю.

– То, что мы ищем, – медленно произнес Бомбатта, – а точнее, где надо искать... Мне кажется, этого нет ни в каких свитках.

Смех всадника в маске заглушила черная кожа. Почувствовав издевку, Бомбатта вспыхнул.

– Эх, Бомбатта, неужели ты думаешь, что моя сила ограничивается только знанием свитков. Ты считаешь, что я знаю только то, что в них написано?

– Нет, – ответ был краток до непочтительности.

– Так выполняй же приказы, Бомбатта. Подчиняйся им и поверь, мы найдем то, что нам нужно.

– Я выполню все, что вы прикажете.

Могучий воин безжалостно сжал коленями бока своего коня, не обращая внимания на тех, кто вынужден был поторопиться, чтобы поспеть за ним. Он уже знал, что более высокий темп будет расценен как проявление послушания, как

знак доверия полученным приказам. Пусть остальные проклинают все на свете, обливаясь потом. Он еще пришпорил коня, не глядя на пену, появившуюся на губах и шее животного. Его сомнения вовсе не были рассеяны. Но он слишком долго добивался своего нынешнего поста, чтобы вот так запросто потерять его сейчас. Вперед! Быстрее и быстрее, пусть даже придется загнать людей и лошадей до смерти.

Равнина Замора частенько являлась ареной, на которой происходили самые странные события. Безумие, жадность, разбойники, священные клятвы заставляли людей совершать абсолютно непонятные поступки. Здесь можно было бы увидеть человека в дорогих одеждах, спешно зарывающего в песок золотые монеты; целый караван, все наездники которого сидели задом наперед на своих лошадях, при этом раздетые догола; на горизонте вдруг могла появиться целая вереница девушек, чью одежду целиком заменяла голубая татуировка с головы до пят. Случайного наблюдателя причины этих странных явлений привели бы в изумление, сумей он, конечно, до них докопаться.

То, чем сейчас занимались вдалеке от любого жилья, у подножия каменистого холма два совершенно непохожих друг на друга человека, тоже было бы абсолютно непонятно постороннему наблюдателю.

Их стреноженные лошади пощипывали редкую жесткую траву неподалеку. Первый из двоих, высокий, с крепкими мускулами молодой парень, был занят тем, что укладывал

плоский обломок скалы длиной почти в его собственный рост на четыре здоровенных валуна, которые он предварительно подкатил один к другому. Чтобы выровнять плоский камень, он подложил под один из его углов несколько булыжников. На его груди на ремешке из сыромятной кожи висел золотой амулет в форме дракона.

Этот юноша с сапфировыми глазами больше был похож на воина, чем на строителя. На его ремне был закреплен прямой широкий меч старинной работы. Потертость его рукоятки, как и рукоятки кинжала, выдавала, что эти предметы служили не для украшения. Его лицо, обрамленное черной гривой волос, сейчас перехваченных широким кожаным ремнем, для невнимательного наблюдателя было лишь лицом юноши. Но более проницательный человек заметил бы на нем ту печать, которую может оставить только большой и тяжелый жизненный опыт.

Спутник голубоглазого юноши был полной его противоположностью. Невысокий, худой, но жилистый, с черными глазами, сейчас он стоял почти по пояс в узкой яме, выгребая из нее камни и песок лопатой со сломанной ручкой. Два набитых кожаных мешка лежали рядом с ямой. Время от времени парень стирал с лица пот и чертыхался по поводу непривычной для него работы. Но всякий раз при взгляде на мешки он снова с удвоенным усердием принимался за работу.

Наконец он все же отбросил доломанную лопату и спро-

сил:

– Слушай, Конан, может, хватит, а? Его крепко сложенный товарищ не услышал вопроса. Он, наморщив лоб, придирчиво осматривал воздвигнутое им сооружение. По замыслу, это должен был быть алтарь. С такими штуками ему не часто приходилось сталкиваться. Но в его родной суровой Киммерии он с детства уяснил для себя, что долги нужно отдавать, невзирая на трудности и препятствия.

– Конан, уже ведь глубоко, правда?

Киммериец мрачно посмотрел на своего товарища:

– Если бы ты не разевал рот не вовремя, Малак, нам бы не пришлось сейчас закапывать эти драгоценности. Амфрат никогда бы не узнал, кто стащил его камешки, городская стража тоже ничего бы не узнала, а мы могли бы попивать спокойненько вино в таверне Абулета, подсаживать на колени девочек, а не обливаться потом в этой проклятой пустыне.

– Да не собирался я звать тебя по имени, – пробурчал Малак.

Он запустил руку в один из мешков и вытащил горсть опалов, рубинов, сапфиров и изумрудов. Зеленый огонек блеснул в его глазах, когда он высыпал обратно отполированные камни. Зеленый сменялся искрами синего, алого, снова зеленого и золотого. Со вздохом сожаления он вновь покрепче затянул мешок.

– Это я просто от неожиданности. Ведь никто не мог предположить, что там столько этих камней. Вот я и вскрикнул.

Но я правда не нарочно...

– Кончай, Малак, – сказал Конан, вновь смотря на алтарь, а не на собеседника.

Киммериец зажал в кулаке золотой амулет. Эту вещь дала ему Валерия, и, дотрагиваясь до золотого дракона, он словно снова ощущал ее рядом.

Валерия – любовница, воин, вор, – все было перемешано в этой золотоволосой красавице. Она умерла, унеся с собой всю радость из его жизни. Он видел ее смерть. Но затем, уже после этого, он видел, что она вернулась, вернулась, чтобы вновь сражаться с ним бок о бок. Этот долг должен был быть оплачен.

Малак снова взял в руки то, что осталось от лопаты, и вдруг, повернувшись к Конану, сказал:

– Я не думал, что ты веришь в богов, Киммериец. Никогда раньше я не видел, чтобы ты молился.

– Бог моей родины – Кром, – ответил Конан, – черный господин загробного мира. При рождении он дарит человеку жизнь и волю, но ничего больше. Он не снизойдет до милости в обмен на жертвоприношения, не станет слушать мольбы и причитания. Как человек поступит с двумя подарками Крома – это его личное дело.

– А этот алтарь? – спросил Малак, когда Киммериец закончил.

– Это другая страна, здесь другие боги. Я не поклоняюсь им, но Валерия верила в них.

Конан, нахмурившись, раскрыл ладонь и посмотрел на амулет.

– Вдруг ее боги услышат меня, ведь жрецы утверждают, что они слушают нас. Быть может, я могу сделать чуть легче ее судьбу там, среди богов, в том мире.

– Кто их знает, этих богов. Вечно им не угодить, – сказал Малак, пожимая плечами. Он вылез из ямы и сидел скрестив ноги рядом с мешками. – Даже жрецы и те толком не знают, где уж тебе...

Цокот копыт за холмом оборвал его на полуслове.

Малак с визгом бросился к мешкам. В одну секунду развязав их, он бросил в рот несколько камней. При этом его лицо перекошилось от судороги, его чуть не вырвало. Затем он швырнул мешки в яму и отчаянно заработал лопатой, закапывая обратно камни, песок – все что угодно, лишь бы успеть заровнять яму до появления всадников.

Конан положил руку на рукоять меча и спокойно ждал, устремив взгляд холодных синих глаз на гребень холма, туда, где должен был появиться первый из неожиданных гостей. Они, конечно, могли оказаться кем угодно. Быть может, им даже наплевать на него и на Малака и на то, чем они тут занимались. Может быть... Но Конан не верил в это.

Глава 2

Когда на холме появился одинокий всадник в закрывающем лицо шлеме и с золотой резьбой на доспехах, Малак неуверенно засмеялся:

– Один человек. Он может быть очень сильным, но вдвоем-то мы с ним управимся. Пусть только сунется...

– Я слышал, что лошадей было много, – ответил Конан.

– Эрлик забрал их на небеса живыми, – простонал Малак, изо всех сил налегая на лопату, подсунутую под большой камень, чтобы перевернуть его. Наконец валун опрокинулся и закрыл собой яму. Малак тяжело вздохнул: – А наши лошади? Может, удастся смыться?

Конан презрительно фыркнул, но ничего не ответил. Да, конечно, на коне незнакомца было навешано столько железа, сколько, наверное, весил сам всадник. Но зато это был настоящий конь. Рванись они сейчас на своих клячах – преимущество было бы потеряно через несколько минут преследования. Таких лошадей, как у них, можно было купить лишь при большой нужде срочно исчезнуть из Шадизара на чем угодно, лишь бы скорее. Торопясь, они заплатили, не торгуясь, столько, сколько стоила бы пара скакунов из королевского табуна. Пустить в галоп этих доходяг означало через несколько сот шагов продолжить бегство на своих двоих, к великому удовольствию преследователей.

Наблюдавший за ними всадник остановился на гребне холма.

– Чего он еще ждет? – спросил Малак, вынимая из-за пояса два кинжала. – Если они решили убить нас, то я не вижу причин...

Неожиданно всадник в черных доспехах поднял руку и помахал ею. Из-за гребня холма в обе стороны от него волной растеклись всадники в таких же кирасах эбенового дерева. Их было не меньше сотни. Размеренным галопом они понеслись вниз по холму, окружая Конана и Малака кольцом шагов в триста диаметром.

– Можно подумать, что перед ними целая армия, – усмехнулся Конан. – Похоже, кое-кто считает нас опасным противником.

– Слушай, но так много... – почти простонал Малак, с сожалением взглянув на забеспокоившихся лошадей. Те пофыркивали и пританцовывали, словно желая убежать. Малак, похоже, был готов рвануться вслед за ними. – Чтобы нанять такую ораву, нужно столько денег, что год можно в роскоши купаться. Ну кто бы мог подумать, что Амфарат так рассердится?

– Да кто его знает. Может быть, ему не понравилось, что его камешки уперли? – мрачно пошутил Конан.

– Но мы же взяли не все, что у него было, – возразил второй воришка. – Сказал бы спасибо, что хоть что-то осталось. Мог бы еще и пару монет в храм отдать, в благодарность бо-

гам за то, что у нас не было еще мешка. А он вместо этого что удумал...

Киммериец пропустил мимо ушей тираду своего приятеля. Он уже давно научился не обращать внимания на размышления своего жилистого товарища о том, что могло бы быть, если бы было по-другому, когда на самом деле все было как раз наоборот.

В это время холодные как сталь глаза северянина киммерийца ощупывали группу из четырех всадников, возившихся с длинным узлом, закрепленным на седле одного из них. Затем Конан перевел взгляд на вершину холма. Там, рядом с первым всадником, появился еще один, в маске, наблюдающий за происходящим внизу.

Неожиданно высокий всадник в черном поднес ко рту рог, наподобие тех, что используют во время охоты. Громкий тягучий звук скатился по склону, и четверо возившихся со свертком проворно разобрали его концы и галопом погна-ли лошадей к двоим, застывшим в ожидании. Еще четверо всадников с другой стороны рванулись на помощь своим товарищам.

Брови Конана сдвинулись: этого еще не хватало. Первая четверка несла огромную сеть, а другие четверо держали в руках длинные дубинки, словно для того, чтобы не дать добыче выскользнуть из-под сети.

Малак сделал было пару шагов к лошадям.

– Подожди. – Несмотря на его молодость, голос Конана

звучал как голос командира. Это заставило меньшего остановиться. – Пусть подойдут поближе, если не хочешь оказаться легкой добычей.

Малак мрачно кивнул и покрепче сжал кинжалы.

Грохот копыт приближался. Осталось сто шагов. Пятьдесят. Десять. Загонщики уже набрали воздух для победного крика...

– Давай! – крикнул Конан и бросился к сети. Малак со стоном отчаяния последовал за ним.

В момент броска меч Конана покинул свои потертые ножны из акульей кожи. Влекомое могучими мышцами, лезвие отсекло один из углов сети. С пронзительным воплем всадник, державший его, пронесся дальше, сжимая в руках лишь бесполезный кусок. Мчавшийся за ним воин бросил поводья своего скакуна и выхватил длинную кривую саблю. Конан, присев, увернулся от удара, а сам, в свою очередь, разгибаясь, вогнал меч под грудную пластину доспеха противника. Пронзенный почти насквозь, тот словно отскочил назад, вылетев из седла.

Прежде чем он коснулся земли, Конан уже освободил свой обагренный кровью меч и резко обернулся, следуя лишь древнему инстинкту воина, предупреждавшему его об опасности. Лицо человека, нависшего над ним, было перекошено гримасой ненависти и боевого азарта. Даже по глазам, видневшимся из-под шлема, можно было понять, что ему было бы куда приятнее замахиваться сейчас мечом, а не деревяш-

кой. Однако это орудие, длиннее человеческой руки, могло проломить череп, будучи применено в полную силу. А в желании вложить в удар всю злость и силу этому человеку было не отказать. Меч Киммерийца взлетел вверх, пронзая кость и мясо. Дубина и все еще сжимающая ее рука закувыркались в воздухе. Крича от боли, всадник перехватил запястье, исходившее фонтанами крови, здоровой рукой; его лошадь, почувствовав свободу от поводьев, понеслась вскачь подальше от шума боя. Конан сию же секунду приготовился встретить нового противника.

Малак сцепился с одним из тех, кто держал сеть, намереваясь вытащить его из седла. Один из кинжалов маленького вора нащупал щель между шлемом и пластиной панциря. С булькающим стоном всадник повалился на землю, увлекая за собой и Малака. В следующее мгновение маленький черноглазый воришка уже снова стоял на ногах, с кинжалами наготове. Его противник больше не двигался.

Какую-то долю мгновения Конан и его приятель неподвижно стояли лицом к лицу с пятерыми оставшимися в строю атакующими. Сеть валялась на земле. Те двое, которые должны были накинуть ее на пленников, схватились за рукоятки сабель. Те, что держали дубинки, колебались.

Вдруг один из них отбросил деревянную палку и тоже схватился за более действенное оружие. Но прежде, чем его сабля вышла из ножен, над холмом снова прокатился призывный звук рога. Сабля влетела в ножны с громким стуком,

и все пятеро помчались галопом к линии своих товарищей.

Малак облизал губы:

– На кой черт им сдалось ловить нас? Никак не пойму.

– Может, Амфарат еще более безумен, чем мы предположили. Он, наверное, решил узнать, сколько криков и стонов смогут выжать из нас лучшие специалисты по пыткам.

– Великий Митра! – вздохнул Малак. – Вечно ты ляпнешь что-нибудь такое, от чего на душе совсем хреново становится.

Конан пожал плечами.

– Ты сам спросил, – сказал он и, услышав рог, добавил: – Слышал? Приготовься. Сейчас опять навалятся.

Снова четыре всадника разобрали между собой углы сети. Но на этот раз число помогающих им загонщиков возросло до двух десятков. Когда всадники подъехали поближе, Конан сделал незаметный знак своему товарищу. Малак пожал плечами, но согласно кивнул головой. Оба стояли, поджидая противника, как и в прошлый раз.

Сеть приближалась и приближалась. За ней неслись остальные загонщики. На этот раз не удастся беспрепятственно разрубить сеть и безнаказанно ткнуть мечом того, кто держал ее.

Когда загонщики приблизились вплотную, Конан метнулся влево, а Малак вправо. Всадники пронеслись между ними, рассыпаясь в проклятиях и пытаясь развернуть лошадей. Над головой Конана взвилась дубинка. Человек, державший

ее, был удивлен, почувствовав, что его запястье оказалось крепко схвачено ладонью Киммерийца. Все еще не веря, он с криком вылетел из седла, влекомый сильной рукой юноши. Одно движение рукоятью меча – и всадник оказался на земле с выбитыми зубами и разбитым в кровь лицом.

Стук копыт предупредил Конана о новой опасности. Еще одна дубинка, выхваченная из рук, описала в воздухе сплошную дугу и с огромной силой опустилась прямо в низ живота всадника. Раздался треск ломаемого дерева, всадник вытаращил глаза, схватил ртом воздух и согнулся пополам. Его лошадь, ничем не удерживаемая, выскочила из-под него и понеслась дальше галопом, уже без седока.

– Конан!

Раньше, чем его последний противник ударился о землю, Конан уже увидел то, из-за чего Малак отчаянно просил его помощи.

Двое воинов в черных доспехах свесились с седел, чтобы достать дубинками извивающуюся на земле фигуру.

С диким воплем Конан налетел на них. Два удара окровавленного меча – и два тела рухнули на землю, а он уже поднимал маленького вора на ноги. Тот плохо видел из-за крови, ручейками стекавшей по его лицу. Сеть снова приближалась, а Малак не мог твердо стоять на ногах, не то что драться.

Сильным движением Конан отодвинул друга в сторону, а сам, напрягшись, бросился на сеть. От неожиданности один из державших ее вылетел из седла и приземлился на грудь

веревки, обрывков сети, запутавших его руки и ноги, пока он перекатывался по ней. Следующая дубинка вскользь задела уворачивающегося Конана. Но удар его меча не был скользким. Лезвие точно вошло под пластину доспехов.

Киммериец понимал, что спасения нет. Слишком много людей сгрудились вокруг него, размахивая дубинками и клинками. Пыль, поднятая копытами, покрывала его потное тело. Медный вкус крови застыл на губах. Скоро ему конец, но Конан знал, что не сдастся на их милость. Каждый удар его меча приходился по живому, незащищенному телу. Это был настоящий фейерверк сверкающей в воздухе стали. Конан смог чуть продвинуться вперед, пытаясь выйти из круга всадников, но они своей массой, почти закрывая солнце, оттеснили его к центру.

Вдруг раздался резкий зов рога. Уже нависшие над Конаном всадники повернули назад, с явной неохотой покидая своих убитых и стонущих раненых, чтобы снова занять свои места в круге.

Конан с удивлением наблюдал за их маневром. Струйка крови стекала по покрытому пылью лицу, пачкая воротник его туники. Малак исчез. Нет, его схватили! Обмотанного сетью, его несли словно свинью на рынок, привязав руки и ноги к длинной жерди. В голове Конана пронеслось – не дожить до такого конца.

Он медленно обводил взглядом всех окружавших его. Несколько лошадей, оставшись без седоков, спокойно расха-

живали между преследователями и жертвами. Схватить одну из них – и пробиться сквозь строй. Он так бы и поступил, если бы не Малак. Киммериец не сделал ни шага к лошадям. Рядом с ним лежали трупы. Раненые стонали, молили о помощи или протягивали руки в сторону круга молча стоявших всадников в черных доспехах.

– Ну, подходите же! – крикнул им Конан. – Пора кончать эту комедию. Или у вас кишка тонка? То здесь, то там какая-нибудь лошадь дергалась вперед, словно угадывая тайное желание своего седока. Но все оставались на своих местах, лишь молчание было ответом Киммерийцу.

Стук камней, катящихся по склону, возвестил о появлении двух всадников, до сих пор стоявших на вершине холма. Большой воин с золотой резьбой на доспехах остановился в десяти шагах от Киммерийца, но второй, с лицом, закрытым кожаной маской, проехал еще половину этого расстояния, прежде чем натянул поводья. Конан напрягся. Он ничего не знал о незнакомце, скрывавшем под маской лицо и под черным шерстяным плащом всю фигуру. Но если настал час последнего боя – Конан был готов.

Руки одинокого всадника прикоснулись к шлему. Сначала снятый шлем, а затем и сброшенная маска открыли голову незнакомца. У Конана перехватило дыхание. На него глядела женщина, темноглазая, с высокими скулами, волосами цвета воронова крыла, заплетенными в тугие косы и уложенными вокруг головы. Она была красива. Так, как бывает краси-

ва женщина зрелая, оставившая позади первый цвет юности. Но в этой красоте чувствовалась какая-то ярость: в манере держать подбородок, во взгляде, словно пронзающем человека насквозь. Плащ был отброшен назад, открыв брюки для верховой езды и тунику черного шелка, облегающую каждый изгиб округлой груди и полных бедер. Конан глубоко вздохнул. Из всех женщин мира он меньше всего ожидал увидеть перед собой именно эту.

– Тебя называют Конаном, так? – ее голос был чувственен, но и царственно величествен.

Конан не ответил. То, что она оставила свой благоухающий дворец и тенистые сады и уехала в этот палящий зной, – уже было достаточно удивительно. Но то, что она это сделала, чтобы разыскать его (а это было очевидно), – внушало тревогу. Ну да не зря он уже пожил среди тех, кто называл себя цивилизованными людьми, а его – варваром. Он усвоил главные правила выживания в их мире. И вот теперь от него не дождутся ни одного слова, пока он не узнает хотя бы что-то еще.

Итак, долгое молчание было его ответом. Всадница нахмурилась:

– Надеюсь, ты знаешь, кто я?

– Ты – Тарамис, – просто ответил Конан. При этом ее лицо стало еще более недовольным.

– Принцесса Тарамис, – сказала она с ударением на первом слове. Лицо Конана не изменило своего выражения, не

опустил он и меч из боевого положения. – Я – наследная принцесса королевского дома Замора. Тиридатес, твой король, – мой брат.

– Тиридатес – не мой король, – отрезал Конан.

Тарамис улыбнулась, словно ощутив под ногами твердую, знакомую почву.

– Ну, да – вздохнула она. – Ты же с севера, варвар, не так ли? Да к тому же – вор?

Конан словно оцепенел, не давая себе оглянуться, даже чтобы посмотреть, не подкрадываются ли к нему сзади черные воины с сетями. Он чувствовал, что главная опасность могла исходить от женщины, стоявшей перед ним.

– Что тебе от меня нужно? – спросил он.

– Чтобы ты послужил мне, Конан-ворюга.

Ему уже было не впервой наниматься к кому-нибудь и получать золотые монеты за какое-либо особое похищение. А сейчас такому предложению альтернативой был последний короткий бой с воинами в черном. Но чувство противоречия пересилило.

– Нет.

– Ты отказываешь мне? – Тарамис не верила своим ушам.

– Мне не нравится, когда на меня охотятся как на зверя.

Я не дикий кабан, чтобы накидывать на меня сети.

– Я могу дать тебе много. Больше, чем ты когда-либо сможешь иметь, даже удачно воруя. Будешь жить во дворце, как придворный...

Конан покачал головой:

– Ты, делая такой подарок, забыла об одной мелочи, которая очень важна для меня. А я не просил и не буду просить ее у тебя.

– Всего-то одна мелочь! Какая же, варвар?

– Моя свобода, – Киммериец улыбнулся улыбкой загнанного стаей гончих волка. – И вот ее-то я добуду себе сам.

В темных глазах принцессы Замора блеснуло удивление.

– Неужели ты и вправду надеешься победить всех моих воинов?

– Они смогут убить меня. Но это тоже свобода. Свобода погибнуть в бою, но не быть рабом.

Уставившись на него, принцесса произнесла, словно не замечая никого вокруг:

– Невероятно. Свиток говорил правду. – Она резко тряхнула головой, словно возвращаясь к действительности, и сказала: – Ты будешь у меня на службе, Конан, и ты еще попросишь моего дозволения на это.

Высокий воин с резным золоченым львом на груди вступил в разговор:

– Негоже тебе торговаться с этим. Позволь мне заняться им, и мы доставим его в Шадизар запакованным в сети, как его дружка.

Не отрывая глаз от Конана, Тарамис сделала движение, словно отгоняя муху:

– Помолчи, Бомбатта.

Она протянула руку к Киммерийцу, ладонью вверх, словно изучая пальцами что-то. Грудь Конана коснулся легкий ветерок. Он почувствовал, как шевельнулись все до единого волоски на руках. Он сделал шаг назад. Поудобнее поставив ноги, он крепче сжал рукоять меча.

Пальцы Тарамис опустились, и она повернула голову к сооружению, возведенному Конаном:

– У каждого человека есть самое сокровенное желание. Что-то, ради чего он может убить и может отдать свою жизнь.

С воротника туники она сняла золотую цепь с мелкими звеньями, с которой свисала капля алмазного кристалла чистой воды. Она зажала камень в левой руке, а правой показала на грубый алтарь:

– Смотри, Конан. Ты увидишь то, что ты ищешь.

Между ее пальцами, снимающими кристалл, забились сполохи алого пламени. Лошади всадников взволнованно заржали. Лишь конь Тарамис стоял неподвижно, хотя и вытаращив от ужаса глаза. Его бока ходили ходуном. Вспышки шли одна за другой, все чаще и чаще, и вот уже непрерывный поток ярко-красного света, исходящий из ее кулака, осветил все вокруг.

Неожиданно голые камни алтаря запылали, словно сгорая в огне. Лошади воинов в страхе попятнулись. Захоти Конан сейчас убежать – он вряд ли бы встретил хоть какое-то сопротивление. Все всадники были заняты лишь тем, чтобы удержать охваченных страхом скакунов. Но Киммериец да-

же не обратил никакого внимания на это. Другое приковывало его взор: на алтаре среди языков пламени появилась лежащая фигура. Женщина с прекрасными золотыми волосами, рассыпавшимися по плечам, с красивым телом, совершенно не тронутым ни тлением, ни пламенем, бушевавшим вокруг.

Не дав любимому имени сорваться с губ, Конан лишь процедил:

– Колдовство!

– А как же, колдовство! – Голос Тарамис был мягок, но неестественно сильно звучал в ушах Киммерийца, сквозь ржание и хрип лошадей. – Колдовство, которое может дать тебе то, что ты ищешь, Конан. Валерию.

– Она мертва, – резко ответил Конан, – мертва, и хватит об этом.

– Говоришь, хватит, варвар?

Сквозь огонь он увидел, как повернулась голова девушки. Чистые голубые глаза встретились со взглядом Конана. Она села, протянув руки к Киммерийцу.

Тарамис сказала:

– Я могу вернуть ее тебе. Вернуть ее в этот мир.

– Живым трупом? – огрызнулся Конан. – Я уже видел таких. Лучше пусть остается мертвой.

– Не холодное тело. А живую теплую плоть. Понял, варвар? Я могу вернуть ее тебе такой, какой ты ее хочешь видеть. А еще, если ты хочешь быть уверен в ее преданности навеки только тебе, – я могу это сделать. Хочешь, она бро-

сится к твоим ногам, молясь тебе, словно богу? Я могу...

– Нет! – У Киммерийца перехватило дыхание. – Она была воином. И я не хочу, чтобы она... – фраза оборвалась на полуслове.

– Значит, ты все-таки поверил?

Одно движение руки – и видение исчезло. Ни Валерии, ни языков пламени, ничего, кроме голых камней без единого следа копоти или пепла. На шее черноглазой женщины снова заняла свое место алмазная капля.

– Я могу сделать все то, о чем говорила.

Конан медленно опустил меч. Он очень не любил колдовство. Даже в тех редких случаях, когда оно применялось без злого умысла. Но – за долги нужно платить. За его свободу пусть расплатятся, освободив другого.

– Отпусти Малака, – сказал он устало.

Бомбатта запротестовал:

– Очистив улицы Шадизара от еще одного вора, разве мы дадим уйти мерзавцу, чтобы он снова взялся за свое? Да по нему ни один человек в мире не заплачет.

– Одним вором больше или меньше – для Шадизара это пустяк. Но он мой друг. Или он уходит свободным, или все дальнейшие переговоры будут вести наши клинки.

Гигант Бомбатта открыл рот, чтобы ответить, но Тарамис взглядом оборвала его.

– Отпусти маленького вора, – сказала она негромко.

На лице Бомбатты смешались гнев и разочарование. Он

повернул коня и, пришпорив его, понесся к воинам, державшим пленника. В несколько мгновений веревки были разрезаны, и худой человек свалился прямо на камни.

– Они мне чуть все кости не поломали, – сказал он, подходя к Конану. – Слушай, чего это у вас тут полыхало, а? Да, и еще – почему мы до сих пор живы?

Вдруг его взгляд остановился на Тарамис. Лишь возглас изумления вырвался из его груди. Затем он начал как-то бестолково кланяться, все время вопросительно поглядывая на Конана и причитая.

– Мы честные люди, о ваше светлейшее высочество. Не слушайте, что вам наговорят злые языки в Шадизаре. Мы, это... мы зарабатываем на жизнь, это... как охранники караванов. Да мы за всю жизнь и финика не взяли, не заплатив. Вы должны нам поверить, ибо мы...

– Заткнись, – сказала Тарамис, – или я перечислю все твои подвиги, о которых мне известно. А теперь – проваливай отсюда.

С сомнением глядя на охрану, Малак сделал несколько неуверенных шагов к их лошадям.

– Нам нужно на время расстаться, – сказал ему Конан, – а встретимся там же, где встречались после драки в таверне «У Трех Корон». Уезжай, удачи тебе.

Последний раз взглянув на стражников, маленький человек вскочил на свою лошадь.

Когда Малак галопом скрылся из виду, все оглядываясь

назад, не веря в свое чудесное освобождение, – Конан повернулся к Тарамис.

– Что я должен сделать? – спросил он просто.

– Когда придет время, тебе скажут, – ответила прекрасная женщина. На ее губах светилась улыбка победителя. – А теперь я жду от тебя твоего решения.

Конан не сомневался:

– Я поступаю к тебе на службу, Тарамис. Долг есть долг. И за него нужно рассчитаться, невзирая на цену.

Глава 3

Шадизар был городом золотых куполов и белоснежных шпилей, уносившихся ввысь, к лазурному небу, прочь от пыли и грязных камней равнины Замора. Во дворцах, в садах, усаженных финиковыми пальмами, били кристальные фонтаны. Белые стены отражали солнечные лучи, сохраняя прохладу внутри домов. Городом порока называли его, злым городом; и еще с десятков куда менее приличных, но не менее справедливых эпитетов служили для обозначения этого знойного города.

Здесь, за гранитными городскими стенами, люди искали золота и удовольствий. Те, у кого было первое, менялись с теми, кто мог дать второе. Стареющие богачи облизывали губы, оглядывая трепещущих невольниц. Дамы с горящими глазами, как кошки, рыскали в поисках добычи. Частенько благородные матроны, покинув дом мужа в поисках сомнительных приключений в веселых кварталах, именно там снова встречались со своими благоверными, решившими развеять скуку семейной жизни тем же самым способом.

Если порок и невоздержанность были душой Шадизара, то не что иное, как торговля приносила золото, чтобы покупать эту грязную душу. Караваны шли сюда из всех уголков мира: из Турана и Коринфии, из Иранистана и Кораджи, из Кофа и Шема. Жемчуг, шелка, слоновая кость, благовония

и специи – все стекалось сюда на необъятные базары Города Десяти Тысяч Грехов.

Улицы были, как обычно, заполнены торговцами, когда Конан въехал в город вместе с отрядом черных воинов принцессы Тарамис. Деревенского вида люди несли корзины с фруктами, погонщики гнали вереницы самой разной домашней скотины. Десятки продавцов выстроились неровной линией вдоль улицы, на все лады расхваливая свой товар и всячески подпихивая его поближе к покупателю. Надменные, одетые в шелка аристократы, толстые купцы в темном бархате, ремесленники в кожаных одеяниях и проститутки, на которых не было ничего, кроме гирлянд монет, нанизанных как бусы на нитку, – все двигались, уворачиваясь от длинноногих верблюдов, целый караван которых размеренно ступал по улице, ведомый явно чужими погонщиками, напряженно поглядывавшими по сторонам. Воздух между домами был наполнен блеянием и мычанием, кудахтаньем куриц и писком цыплят, криками лоточников, расхваливавших свой товар, завываниями нищих и криками торгующих купцов. Над всем этим висел тошнотворный запах, состоящий из равных частей ароматов специй, гниющих отбросов, благовоний и потных, невымытых тел.

Тарамис не снизошла до того, чтобы замедлить шаг. Половина ее отряда бросилась вперед, расчищая ей дорогу, нещадно колотя дубинками тех, кто не успел вовремя убраться. Оставшиеся закованные в эбеновые доспехи вои-

ны образовали кольцо вокруг Тарамис и Конана, охраняя ее и следя за ним. Киммериец понял, что хоть он и принят на службу, но за ним следят как за пленником. Он неторопливо, не провоцируя охрану, свесился с седла и схватил большую спелую грушу с лотка торговца фруктами. Так же не торопясь он выпрямился и поудобнее устроился в седле, всем своим видом давая понять, что не интересуется ничем, кроме сочного вкусного плода и созерцания людей по сторонам.

Улицу расчищали, оттесняя к стенам домов всех подряд: купцов и покупателей, аристократов и нищих. Летели в стороны лотки, переворачивались столы у входов в лавки. Угрюмые лица сопровождали процессию. Лица тех, кто не был скор на ноги, быстро покрывались кровавыми ранами и ссадинами. Большинство молчало, но ближайšie к Тарамис стражники, размахивая дубинками, заставляли толпу выкрикивать: «Слава принцессе Тарамис!» – или: «Да благословят тебя боги, принцесса Тарамис».

Взгляд Конана задержался на караване, загоняемом в переулок впереди по ходу их движения. Передним верблюдом управлял смуглый человек в грязном тюрбане. Люди вплотную прижались к ногам верблюдов. Те же испуганно ревели и нервно переступали с ноги на ногу.

Проезжая мимо каравана, Конан коротким и точным броском отправил огрызок груши прямо в нос переднему верблюду. С диким ревом животное резко попятилось, вырвав поводья из рук человека в тюрбане. Постояв в нерешии-

тельности секунду-другую, словно сомневаясь в своей свободе, верблюд резко рванулся вперед, увлекая за собой еще десяток своих товарищей по каравану. Горбатые длинноногие животные пронеслись сквозь строй черных всадников и помчались дальше по улицам. Конан направил свою лошадь вслед за ними.

За его спиной послышались крики, но он лишь наклонился пониже и пустил лошадь галопом. Сбивая с ног торговцев и покупателей, верблюды неслись по извилистым улочкам, прикрывая Конана. Преследователи – а то, что за ним погонятся, Конан знал точно – не видели его. Но это преимущество не могло сохраниться долго. Киммериец соскочил с лошади и тут же получил основательный пинок ниже спины от одного из верблюдов. Вскочив на ноги, Конан быстро сиганул за груды корзин, провожаемый недоуменным взглядом их продавца. Грохот копыт по булыжникам мостовой вновь очистил улицу от любопытных. Два десятка всадников в черном, возглавляемые Бомбаттой, с ожесточенными лицами пронеслись вдогонку верблюдам.

Конан медленно поднялся, поправляя пояс с мечом и глядя вслед уносящимся всадникам. Он потер ушибленное верблюдом место. Мерзкие твари, подумал он. Не то что лошади. Ему никогда еще не приходилось иметь дело с верблюдами. Вдруг до него дошло, что продавец корзин все еще таращится на него.

– Неплохие корзины, – сказал Конан, – но не совсем то,

что мне нужно.

Продавец все стоял неподвижно с открытым ртом, а Конан уже нырнул в боковой переулок, пропахший мочой и гниющими отбросами.

Узкими извилистыми закоулками он пробирался подальше от центра, время от времени тихо ругаясь, когда его нога поскальзывалась на чем-нибудь неаппетитно скользком. На каждом углу, прежде чем пересечь улицу, он внимательно смотрел, не появятся ли откуда-нибудь черные воины в шлемах с забралами. Так, петляя и уворачиваясь, он пробирался по Шадизару, пока не добрался до стоявшей в тени южной стены города таверны Манета, куда и нырнул через заднюю дверь.

Воздух внутри был приятно прохладен, хотя и провонял плохо приготовленной пищей. Девушки, сновавшие из кухни в зал и обратно, окидывали Конана удивленными взглядами. Обычно клиенты не вваливались через заднюю дверь, выходящую в зловонный переулок. Да и сам высокий, плечистый парень с мечом на боку не был похож на обычного клиента.

В общем зале сидели погонщики верблюдов и проводники караванов, в основном – чужестранцы. Запах пота и животных соперничал с вонью прокисшего вина. Кабацкие шлюхи демонстрировали свои прелести, вышагивая почти в чем мать родила по песчаному полу между столов. Многие из них, оценив взглядом Киммерийца, остались очень доволь-

ны и даже присвистнули от восхищения. Те, кто уже получил деньги за сегодняшний вечер, схлопотали по окрику, а то и по оплеухе от мужчин, уже заплативших за их внимание. Но все их мужское раздражение было сорвано только на женщинах. Даже те из присутствовавших, кто считал себя храбрее мастифа, почувствовали в этом здоровяке волка и предпочли, чтобы не рисковать, излить свою злобу на кого-нибудь другого.

Конану было наплевать на волнение, произведенное его появлением. Убедившись, что в обеденном зале нет черных воинов, он потерял всякий интерес к тем, кто там находился. Он быстро подошел к прилавку, за которым управлялся Манет.

– Малак здесь? – тихо спросил Конан трактирщика.

– Наверху, – последовал ответ, – третья дверь направо.

Манет вытер руки какой-то жирной тряпкой и бросил опасливый взгляд за спину Конана, словно опасаясь, что тот привел за собой толпу преследователей.

– Что-нибудь серьезное? – спросил он.

– Не для тебя, – сказал ему Киммериец и направился к лестнице.

Он был спокоен за верность Манета. Не так давно Киммерийцу удалось вырвать дочь трактирщика из лап двух иранистанцев, решивших увести ее в Аграпур, чтобы продать там. Манет не выдаст его даже под пыткой.

На втором этаже Конан распахнул нужную ему дверь и

отпрынул назад – острый кинжал просвистел в воздухе, чуть не полоснув его по горлу.

– Это я, придурок, – прорычал Конан.

Нервно ухмыляясь, Малак убрал кинжал в ножны и отступил в глубь комнаты. Конан захлопнул за собой дверь.

– Извини, – все так же нервно засмеялся худощавый во-ришка, – это... это просто... Милостивый Митра!.. Слушай, Конан... Эта Тарамис, охотящаяся на нас, этот огонь – наверняка ведь колдовство, да? Я ведь понятия не имел, что стало с тобой. А как... как тебе удалось выбраться? Я к тому же совсем забыл о той драке в харчевне «У Трех Корон», так что еле сообразил, где надо встречаться. Ну да ладно. Что, сваливаем из города? Давно пора. Интересно, а они выкопали камешки или нет? Первым делом надо двигать туда и забрать их от греха подальше. Этих побрякушек нам хватит, чтобы...

– Да поостынь ты, – сказал Конан. – Мы не уезжаем из Шадизара. По крайней мере, не сейчас. У меня есть одно поручение от Тарамис.

– Еще не хватало. Какое такое поручение? А сколько она заплатит? У нее, поди, золотишка-то навалом.

– Я еще и сам не знаю, чего она от меня хочет. А что до платы... Тарамис клянется, что может вернуть Валерию.

Его приятель аж присвистнул сквозь зубы. Темные глаза забегали, словно ища запасной выход.

– Колдовство, конечно, – выдавил он из себя наконец. – Я

знал, что этот огонь был ведьминым пламенем. А ты и вправду веришь, что у нее хватит волшебных сил на такое дело? Да и вообще, стоит ли доверять этой...

– Я должен использовать этот шанс. Ради Валерии. Это мой долг...

Он тряхнул головой. Малак, конечно, старый друг, но какой ему смысл ввязываться в такое дело.

– Я понимаю, лично тебе до этого нет никакого дела, – сказал Конан, – но, если ты сможешь мне, я отдам тебе свою долю наших камней.

Малак просто засиял:

– Это предложение было абсолютно излишним, Киммериец. Мы ведь вместе работаем. Но сказано – сделано. Я его принимаю. Правда, с одним условием – я не переступлю порога дворца Тарамис. Ее люди упекли троих моих двоюродных братьев в тюрьму, и двое из них уже умерли, да и о третьем ни слуху ни духу.

– Я тебя об этом и не прошу. Да и принцессе ты во дворце ни к чему. Там, на холме, все, чего она от тебя хотела, – это чтобы ты свалил куда-нибудь подальше.

– Эх, да что она понимает в мастерстве, – вздохнул Малак. – Если ей был нужен вор, то разве найдешь кандидата лучше, чем я. Ладно, хватит шуток. Я готов сжечь все благоволия в храме Митры за то, что она выбрала тебя, а не меня. Это я должен буду сделать.

– Я отправляюсь во дворец Тарамис. Не знаю, сколько я

там пробуду, но наверняка у меня не будет много времени, чтобы искать тебя. Так что постарайся не исчезать далеко. Да, самое главное – выясни, где сейчас Акиро.

– Еще один колдун! – воскликнул Малак.

Разумеется, Акиро был колдуном. Маленький, толстый человек с желтой кожей, как у жителей далекого Кхитая, хотя сам он никому не рассказывал о своей родной земле. Однажды он помог Конану своими чарами. Конан до конца не доверял ему, как и любому другому волшебнику, но Акиро нравилась Валерия. Может быть, это склонит чашу весов и заставит его прийти на помощь Киммерийцу.

– Он может мне понадобиться в этом деле, Малак, пусть последит за колдовством Тарамис, чтобы она не наложила на возвращенную Валерию какое-нибудь заклятие.

– Я его разыщу, Киммериец. А теперь, у тебя есть время, чтобы выпить за удачу, или ты возвращаешься во дворец сию же секунду?

– Я там еще и не был, – со смехом сказал Конан. – Пришлось покинуть эту компанию не попрощавшись, а теперь ее стража прочесывает город в поисках меня. Надеюсь, что смогу добраться до дворца, не убив никого из них.

– Тебе крупно повезет, если она не настолько рассердилась, чтобы украсить твоей головой один из зубцов дворцовой стены.

– Она-то, может, и рада бы, но не станет этого делать. Ей ведь нужен не просто вор, а именно я. Она знала мое имя

и отправилась с целым отрядом, чтобы найти меня. Что бы она там ни затевала, но Конан Киммериец ей нужен просто позарез.

Глава 4

Дворец Тарамис снаружи больше напоминал огромную крепость, хотя и не такую большую, как дворец короля. Гранитные стены с узкими бойницами превосходили рост человека в четыре раза, лишь чуть-чуть не достигая высоты стен королевского замка. По четырем углам возвышались квадратные башни, еще две прикрывали высокие обитые железом ворота.

Подойдя к этим воротам, Конан увидел, что вход преграждают два стражника в черных доспехах. Они стояли неподвижно, словно статуи, чуть наклонив свои копья с длинными поблескивающими наконечниками. Еще две фигуры маячили над башнями, а через равные интервалы над стенами тоже были выставлены часовые. Конан тихо усмехнулся: понаставили каменных идолов, а толку-то... Темной ночью опытный вор проберется между ними безо всяких хлопот.

Солнце уже клонилось к западу, и стража отсчитывала оставшиеся часы дежурства. Мысленно они уже были в казарме, попивали вино, ужинали, прихватывая за мягкие места поварих и подавальщиц. Поэтому, лишь когда Конану оставалось пройти три шага до ворот, они обратили внимание, что он и вправду собирается войти внутрь, а не пройти мимо стены. По их разумению, человек в таком виде мог войти во дворец принцессы только в кандалах, с охраной и

только направляясь в дворцовую темницу. Копья стражников одновременно уперлись в грудь Конана.

– Проваливай, – огрызнулся один из них.

– Мне нужно увидеть Тарамис, – заявил Конан.

Они еще раз оглядели с ног до головы этого оборванного, покрытого слоем грязи наглого верзилу, и на их лицах промелькнула презрительная усмешка:

– Тебе же было сказано...

Неожиданно в воротах появился Бомбатта, словно смерч раскидав в стороны обоих часовых. Солдаты отлетели к тяжелым створкам открытых ворот и, ударившись о них всем телом, рухнули на землю. Бомбатта стоял на их месте, зло глядя на Конана, сжимая в кулаке рукоять меча.

– И ты... ты еще осмелился прийти сюда! – Большой, сильный воин просто задыхался от гнева. – Где, на каком Девятом Небе Великого Зандру ты пропадал все это время?

– Просто моя лошадь испугалась верблюдов. – Конан, нагло улыбаясь, смотрел на Бомбатту. – А еще я решил промочить горло после такого-то денька.

Бомбатта заскрипел зубами.

– Иди за мной, – процедил он, поворачиваясь, чтобы проследовать внутрь дворцового двора. Стражники уже вновь заняли свои места, но он, обращаясь к кому-то за стеной, крикнул: – Тогра! Замени этих шутов у ворот, чтоб духу их здесь не было.

Конан последовал за ним, но не стал торопиться, подстра-

иваясь под шаг Бомбатты, как какой-нибудь придворный слуга. Наоборот, он пошел не торопясь, словно не замечая напряженного лица Бомбатты, вынужденного сбавить скорость, чтобы не оставить Киммерийца одного внутри дворца.

Широкая, выложенная каменистыми плитами аллея вела от ворот к самому дворцу сквозь прекрасный сад с прохладными фонтанами и алебастровыми обелисками, превышающими высотой наружную стенку. Все вокруг было усажено диковинными, благоухающими растениями, привезенными из самых дальних стран, даже из Вендии и Зингары. В глубь зарослей уходили прогулочные дорожки; кое-где за кустами мелькали силуэты садовников-рабов, старающихся сделать эту красоту еще прекраснее.

Высокие резные колонны окружали сам дворец. За входом шла череда внутренних двориков, мощенных полированным гранитом, в которые выходили изящные балконы, спрятанные в стены на таком уровне, чтобы оставаться в тени даже во время самого жестокого полуденного зноя.

Великолепные занавеси ручной работы прикрывали входы во внутренние коридоры, а под ногами расстилались прекрасные ковры из Вендии. Слуги обходили покои, зажигая позолоченные светильники, чтобы рассеять сгущающиеся вечерние сумерки.

Бомбатта шел все дальше и дальше, и Конан уже решил, что они пройдут весь дворец насквозь, как вдруг, войдя в очередной дворик, Бомбатта остановился, даже не оглянув-

шись, чтобы удостовериться, остановился ли Конан за ним. Вдоль стен двора стояли ряды каменных стел, на каждой был выложен мозаикой из алебастра, порфира и обсидиана какой-то символ. Некоторые из них были знакомы Конану по гадальным картам. Остальные были ему неизвестны, что, впрочем, мало его беспокоило. Между стелами группами стояли люди в оранжево-черных одеяниях с начертанными на них мистическими знаками и изречениями разной степени сложности. Отдельной группой стояли те, кто носил одежды золотого цвета. Все взгляды обратились к вошедшему Киммерийцу. Его взвешивали, измеряли, прикидывали, оценивали.

– Человек по имени Конан, – объявил Бомбатта.

Конан даже не сразу увидел, что он обращается не к людям во дворике, а к Тарамис, стоящей на резном балконе и взвешивающей на всех них сверху.

Роскошная аристократка, так и не снявшая дорожного одеяния, вся пылала еле сдерживаемой яростью. Ее глаза сцепились с взглядом Конана. Принцесса ждала, что он отведет глаза, но Киммериец все так же спокойно глядел на нее. Наконец она раздраженно вскинула голову и приказала:

– Вымыть его и привести ко мне. – Не говоря больше ни слова, она ушла с балкона. Даже ее спина, казалось, выдавала всю ее ярость.

Однако ее чувства были не сильнее тех, что вскипели в Конане.

– Что? Вымыть меня? Я не лошадь! – прорычал он.

К его удивлению, лицо Бомбатты было не менее искажено гневом.

– Ванная здесь, вор, – процедил он, не разжимая зубов, показывая жестом Конану вновь следовать за ним.

Киммериец, мгновение поколебавшись, шагнул за своим нелюбезным провожатым. Конечно, неплохая возможность смыть с себя грязь, а тон, каким было сделано приглашение (или приказание!)... – на это не стоило обращать внимания.

Стены помещения, куда Конана привели на этот раз, были выложены мозаикой, изображавшей горные пейзажи со сверкающими быстрыми реками. В центре комнаты находился покрытый белыми керамическими плитками бассейн. Рядом с ним – жесткое ложе и маленький столик с флаконами с благовонными маслами. Четыре девушки в одинаковых белых одеждах с одинаково уложенными тугими темными косами встретили Конана. Над четырьмя парами глаз взлетели ресницы, и четыре пары рук поднялись к губам, чтобы скрыть девичье хихиканье.

– За тобой придут, вор, – сказал Бомбатта.

Конан, с улыбкой глядевший на девушек, посерьезнел и холодно сказал:

– Мне начинает нравиться твой тон.

– Да если бы ты только не был нужен...

– Не задерживайся, договорим потом. Я буду здесь всегда к твоим услугам.

Бомбатта дернулся к своему мечу, но, сдержав себя, вышел из комнаты, не добавив ни слова.

Все четыре девушки молча следили за обменом любезностями. Теперь, прячась одна за другую, они боязливо косились на Конана.

– Я не кусаюсь, – сообщил он им как можно вежливее.

Они нерешительно приблизились к нему, одновременно начав стягивать с него одежду и снаряжение.

– Мы думали, что вы будете драться с ним, господин.

– Бомбатта – отважный боец, господин. Опасный противник.

– Вы, конечно, почти такой же высокий, как он. Я даже не думала, что есть еще такие высокие люди.

– Но Бомбатта больше вас. Только не подумайте, я не сомневаюсь в вашей силе.

– Хватит вам, – засмеялся Конан. Его смех заставил их отскочить в разные стороны.

– Так, говорить по одной, понятно? Теперь послушайте меня. Первое: никакой я не господин. Второе: я прекрасно умею умываться сам. И третье: как вас зовут, хотел бы я знать.

– Мое имя – Ания, господин, – ответила самая стройная из девушек, – а это – Тафис, Анук и Лиела. Мы здесь, чтобы помыть вас, господин.

Конан оценивающе оглядел ее:

– А я-то думал, для чего-нибудь поприятнее.

К его удивлению, Ания густо покраснела.

– Это... это запрещено, господин, – пробормотала она. – Мы – жрицы Спящего Бога.

Со стороны ее подруг послышался тревожный шепот. Лицо девушки побледнело так же быстро, как покраснело минуту назад.

– Спящий Бог? Это еще что за птица?

– Пожалуйста, господин, – взмолилась Ания, – об этом нельзя говорить. Пожалуйста. Если вы расскажете кому-нибудь, меня... меня очень сильно накажут.

– Я буду нем как рыба, – успокоил ее Конан. Но как он ее ни упрасивал, больше ни она, ни ее подруги не произнесли ни слова, кроме как о его купании.

Он покорно позволил намылить себя и растереть мочалкой. Затем с него смыли пену, ополоснули проточной водой и растерли мягкими полотенцами. Настала очередь благовонных масел. И хотя Конан постарался избежать самых резко пахнущих снадобий, ему все равно казалось, что от него за версту несет благоуханиями, как от какого-то придворного щеголя.

Когда девушки одели его в рубашку и брюки из белого шелка, в комнате появился маленький, высохший, абсолютно лысый человек.

– Мое имя – Ярванеус, – сказал старичок, слегка поклонившись, – я старший придворный распорядитель ее высочества принцессы Тарамис.

По его тону было понятно, что его положение все-таки несколько выше, чем у уличного вора.

– Если ты готов, я отведу тебя к... – Он прервал свою фразу, увидев, что Конан взялся за ремень с ножнами и мечом. – Здесь тебе это не понадобится.

Конан лишь взглянул на него, а затем спокойно затянул ремень, пристроив поудобнее меч и кинжал. Он и вообще-то не любил оставаться безоружным. И чем больше он находился во дворце Тарамис, тем меньше ему нравилась идея расстаться со своим мечом именно здесь.

– Веди меня к Тарамис, – сказал он. Ярванеус отчетливо произнес:

– Я отведу тебя к принцессе Тарамис. Киммериец лишь жестом поторопил его, всячески показывая, что давно ушел бы сам, если бы знал, куда нужно идти.

Сюрприз следовал за сюрпризом. Старичок покинул его не в приемном зале, как можно было бы ожидать. В этой комнате позолоченные светильники освещали стоявшую в одном из углов огромную круглую кровать, под покрывалом из белоснежного шелка. Мраморный пол покрывали толстые мохнатые ковры вендийской и иранистанской работы. В центре стоял низкий полированный медный столик, на котором возвышался стеклянный кувшин с вином и два кубка чеканного золота. Тарамис, от шеи до пят затянутая в черный блестящий шелк, сидела на полу, облокотившись на подушки, разбросанные вокруг столика.

В комнате они были не одни. Четыре воина в черных доспехах стояли по углам. Они были без шлемов, а меч был укреплен у каждого за спиной так, что его рукоятка виднелась из-за правого плеча. Все четверо неподвижно глядели перед собой, не шевеля ни одним мускулом, почти не дыша и не моргая.

– Мои телохранители, – сказала Тарамис, показывая на четверку, – лучшие воины Бомбатты. Почти такие же сильные, как он сам. Но ты не волнуйся, они действуют только по моей команде. Вина?

Она легко приподнялась и наклонилась, чтобы наполнить кубки. У Конана перехватило дыхание. Там, где шелк одеяния Тарамис образовывал свободные складки, он был непрозрачно черным. Но стоило ему обтянуть поплотнее тело принцессы, как он становился почти прозрачным. При этом на Тарамис не было ничего под ее черным платьем. Когда она приблизилась к нему с кубком вина. Киммериец поймал себя на том, что не может оторвать взгляд от ее высокой полной груди.

– Может, ты не расслышал, я повторяю: если ты голоден – тебе принесут поесть, – в голосе женщины зазвучали веселые нотки.

Конан посмотрел ей в глаза и покраснел:

– Нет, нет. Спасибо. Я сыт.

Злой на себя, он аккуратно принял кубок из ее рук. Еще не хватало. Уставился, как мальчишка, никогда не видевший

обнаженной женщины. Он прокашлялся и сказал:

– Я понял, что ты хочешь дать мне какое-то задание! Но я не смогу выполнить твое поручение, если не буду знать, в чем оно заключается.

– Значит, ты хочешь, чтобы твоя Валерия вернулась к тебе? – Тарамис приблизилась к нему вплотную. Ее грудь прижалась к груди Конана. Даже сквозь одежду его кожу жгло, словно к нему прижали два раскаленных угля.

– Я хочу, чтобы она вновь ожила.

Конан шагнул назад, поскользнулся на подушке (случайно, как сам он себя уверял) и растянулся на полу. Тарамис стояла над ним, дразня его взгляд линиями бедер, живота, груди. Конан даже не заметил легкой улыбки, пробежавшей по ее губам.

– Твое желание может быть исполнено, если ты выполнишь то, что я прикажу.

– Ты все еще не сказала мне, что я должен сделать, – Конану пришлось скрыть вздох облегчения, когда она отодвинулась от него и зашагала по комнате.

– У меня есть племянница, госпожа Дженна, – медленно заговорила Тарамис. – Она всю жизнь прожила в одиночестве, как отшельница. Ее родители – мой брат и его жена – умерли, когда она только-только начала что-то понимать. Этот удар оказался слишком сильным для малышки. Теперь она... в общем, с ней нужно обходиться очень осторожно, ничем не тревожить. Но несмотря на все это, ей нужно со-

вершить одно путешествие, и я хочу, чтобы ты поехал с ней.

Конан отхлебнул большой глоток вина.

– Я? А что, больше некому? – сказал он, когда снова смог говорить. – Я не приучен сопровождать аристократок. Это не та работа, которой я занимаюсь.

– Ты хочешь мне напомнить, что ты – вор. Но я вовсе не предлагаю тебе стать городским стражем, Конан. Я не настолько глупа. Но в этом деле мне нужен именно вор. Дженна должна украсть один Ключ. Только она может прикоснуться к нему, как и к Сокровищу, замок к которому отперет этот Ключ. А кто лучше подходит, чтобы помочь ей в этом деле, чем лучший вор в Заморе?

У Конана голова шла кругом. Он осторожно поставил кубок на стол. Вино сейчас было бы излишним. Собравшись с мыслями, он стал неторопливо размышлять вслух:

– Итак, мне нужно поехать вместе с госпожой Дженной и помочь ей украсть какой-то заколдованный Ключ и Сокровище. Если за это ты возвратишь Валерию, я выполню все, что требуется. Но мне непонятно, почему бы ей не отправиться в путь со своей свитой и с сотней-другой твоих стражников, а не с одним вором в компании.

– Потому что в Свитках Скелов сказано, что она должна совершить это без свиты, – Тарамис резко оборвала фразу, даже закусив губу.

– Эти Свитки... – начал Конан.

– Пророчества, – ответила она, не давая ему говорить

лишнего. – В них сказано, что нужно сделать и как. Выкинь их из головы. Все равно они написаны на древнем языке, известном сейчас только... только ученым людям. Так вот, там есть кое-какие неясности с числом спутников; только двое из них особо оговорены. Я решила не рисковать и послать только тех, относительно чьей необходимости нет сомнения. Так выбор пал на тебя и Бомбатту.

Конан фыркнул и помянул недобрым словом древних авторов Свитков. Ехать вместе с Бомбаттой? Ладно, а устроить поединок можно будет потом или в пути, когда захочется.

– Где следует искать Ключ?

– Дженна покажет тебе.

– Лучше, если у меня будет карта и подробный план того места, где хранятся Ключ и Сокровище. И что это за Сокровище? Клад? Понадобятся ли нам выючные мулы или лошади, чтобы привезти его?

– Дженна сама все узнает, когда увидит его, мой милый воришка. И она сможет удержать его в руках. Только она и никто другой. Вот все, что тебе нужно знать. Карта? Нет никакой карты, кроме той, которая в голове у Дженны. При ее рождении были произнесены особые заклинания, настроившие ее внутренне на одну ноту с Ключом. Она будет его чувствовать во время пути и приведет вас к нему. Когда Ключ окажется в ее руках, она точно так же настроится на Сокровище и поведет к нему.

Конан вздохнул. То, что от него кое-что скрывали, было

неудивительно. Мало кто в мире согласился бы полностью довериться вору. Но дело от этого не становилось легче.

– Может быть, я могу еще что-то узнать и подготовиться к этому? Пойми, что слишком большие неожиданности могут погубить не только меня, но и твою племянницу.

– Дженне нельзя причинять никакого вреда, – отчеканила Тарамис.

– Я позабочусь о ее безопасности, но вряд ли я смогу быть очень полезен, ничего не зная о возможных опасностях. Если тебе известно что-нибудь еще...

– Ладно. Я... полагаю, что Ключ сейчас во владении человека по имени Амон-Рама, он родом из Стигии.

– Колдун, естественно, – вставил Конан, не ожидавший уже ничего другого.

– Именно. Колдун. Вот и все, что я знаю. Я желаю, чтобы это путешествие было удачным, точно так же, а может быть, и больше, чем ты. Ты не испугался? Сможешь достойно встретить опасности? И помни о своей Валерии.

Его лицо напряглось при этих словах:

– Я сказал, что сделаю это. И я выполню то, что обещал.

– Отлично, – сказала Тарамис. – А теперь – еще одна деталь, более важная, чем все остальное, по крайней мере, для тебя. Через семь ночей звезды на небе будут в таком положении, которое бывает раз в тысячу лет. Именно в эту ночь я смогу вернуть тебе Валерию. Если к тому времени ты вернешься с Сокровищем и Дженной... – Подняв руку, она пре-

рвала негодуяуще задышавшего Конана. – Мои астрологи не могут найти ни Ключ, ни Сокровище. Но они уверены, что за оставшееся время возможно найти и то и другое.

– Это они тебе так говорят, – Киммериец невесело усмехнулся.

Он заглянул в свой кубок и вдруг разом осушил его. Час назад он очутился по колена в этой грязи – колдовстве, но все еще соблюдал осторожность. Теперь же он пробирался в нем по горло, да еще к тому же – в крошечной тьме.

Неожиданно по дворцу пронесся крик. Кричала девушка. Еще раз, снова и снова. Конан вскочил на ноги, схватившись за меч. Он заметил, как напряглись телохранители принцессы, и понял, что только его резкое движение стало причиной этого. Крики, казалось, не заставили бы их даже моргнуть глазом.

– Это моя племянница, – торопливо сказала Тарамис. – Дженну мучают кошмары. Сядь, Конан. Садись. Я вернусь, когда успокою ее.

И, к удивлению Киммерийца, принцесса Заморы выбежала из комнаты.

Тарамис не нужно было бежать далеко, Просто злость замедлила ее бег. Она уже думала, что с кошмарами покончено насовсем.

Ее племянница свернулась клубочком в середине кровати, нервно всхлипывая в неясном свете луны, проникавшем через высокие узкие окна. Тарамис не удивилась, не обна-

ружив рядом с девушкой никого из прислуги. Все во дворце знали, что только она может справиться с ужасными видениями, мучившими Дженну. Принцесса наклонилась над постелью и положила руку на плечи девушки.

Дженна, вздрогнув, проснулась, увидела Тарамис и обхватила ее руками.

– Так это был сон, – всхлипнула она, – такой ужасный сон!

Дженне еще не исполнилось и восемнадцати, она была стройна и красива, но сейчас большие темные глаза были наполнены слезами, а полные губы все никак не переставали вздрагивать.

– Да, всего лишь сон, – Тарамис ласково гладила девушку по длинным черным волосам, – не больше, чем сон.

– Но я видела... видела, что...

– Тссс. Тихо, Дженна. Успокойся. Завтра тебе отправляться в путь. Нельзя, чтобы какой-то сон мог испугать тебя.

– Но мне действительно было так страшно.

– Тихо, малышка, спи.

Тарамис кончиками пальцев чуть сжала голову Дженны и запела что-то чуть слышно, почти про себя. Потихоньку всхлипывания затихли, прекратилась дрожь. Когда дыхание вновь стало ровным дыханием спящего человека, Тарамис встала. Уже сто раз она думала, что кошмары и воспоминания о них ушли навсегда. Но проклятый сон каждый раз напоминал о себе. Тарамис сжала голову руками. Дженна была той, о ком говорили Свитки, и это сейчас – самое важное.

Ничего, на этот раз наверняка удалось отогнать кошмарный сон надолго. Наверняка. Всю жизнь Тарамис шла этим путем. С самого детства. Как только она стала осознавать себя, ее тетя, принцесса Элфайн, начала учить ее тем двум вещам, с помощью которых женщина может стать сильной: искусству оболыщения и колдовству. Когда Элфайн умерла, Тарамис, которой не было еще и десяти лет, не появилась на церемонии погребения. Старшие думали, что ребенку просто стало невыносимо тяжело от потери. На самом же деле она в это самое время обшаривала личные покои тети в поисках волшебных фолиантов и всяких магических штучек, собранию которых Элфайн посвятила свою жизнь. Там-то она и нашла Свитки Скелов. В ближайшее же полнолуние она начала работу, которая длилась двадцать лет, а сейчас была близка к завершению.

Неожиданно она почувствовала, что в дверях комнаты стоит Бомбатта и смотрит в одну точку – на девушку в постели. Она быстро подошла к нему и взяла его за руки. Секунду он еще сопротивлялся, а затем позволил вывести себя в темный коридор.

– Так ты даже не считаешь нужным больше скрывать это? – сказала она с презрительным спокойствием. – Ты возжелал мою племянницу. Я все вижу. Так что не пытайся отрицать это.

Он, словно башня, возвышался над нею, но при этом переминался с ноги на ногу, как мальчишка, ждущий наказа-

ния от учителя. Наконец он промычал:

– Я ничего не могу с собой поделаться. Ты – огонь и страсть.

Она – невинность и чистота. Я ничего не могу поделаться.

– И она должна оставаться невинной. Так сказано в Свитках Скелов.

На самом же деле Свитки вовсе не требовали от Дженны девственности. Речь шла о другой чистоте. Чистоте души. Она не должна была никому желать зла или предполагать, что кто-то может причинить ей боль. Ее жизнь в затворничестве помогала поддерживать ее в таком душевном покое. Но Тарамис поняла, что происходит с Бомбаттой, задолго до того, как он сам осознал, что с ним.

– Да, даже если бы и не эти Свитки, – сказала она ему, – ты – мой, и я не собираюсь делить то, что принадлежит мне. Ни с кем.

– Мне не нравится, что ты там наедине с этим вором.

– Наедине? – Тарамис рассмеялась. – Четыре твоих лучших стражника стоят наготове, чтобы охладить его или изрубить на куски, если он задумает причинить мне вред.

Мужчина что-то пробормотал про себя, и она нахмурилась:

– Говори так, чтобы я слышала, Бомбатта. Не люблю, когда от меня что-то скрывают.

Он долго молча смотрел на нее, сжигая взглядом, прежде чем заговорить:

– Я не могу избавиться от мысли о том, что этот вор смот-

рит на тебя, хочет тебя, быть может, даже прикасается к тебе...

– Ты, кажется, стал забываться. – Каждое слово вылетало словно острое лезвие.

Бомбатта отступил на шаг, а затем рухнул на колени, склонив голову:

– Прости меня. Но ведь этому Конану нельзя доверять. Он чужеземец, вор.

– Идиот! В Свитках ясно сказано, что Дженну должен сопровождать вор с глазами цвета неба. Другого такого в Шадизаре не найдешь, да и, пожалуй, во всей Заморе. А ты будешь делать то, что я тебе прикажу. Будешь точно следовать предписаниям Свитков. Точно!

– Как прикажешь, – пробормотал он. – Я повинуюсь.

Тарамис погладила его по голове. В этом движении было не больше нежности, чем в поглаживании одной из борзых ее своры.

– Ну разумеется, Бомбатта.

Она чувствовала, что победа уже близка. Рог Дагота будет принадлежать ей. С ним она обретет истинную силу и бессмертие. Это чувство словно пронизывало ее. Ее руки вздрагивали на волосах Бомбатты. Она глубоко вздохнула и сказала:

– Будь уверен, все будет так, как я говорю. А сейчас – отправляйся к себе и ложись спать, и пусть тебе снится твоя победа.

Неподвижно стоя на коленях, Бомбатта смотрел, как она уходит по коридору. Его обсидановые глаза поблескивали в темноте.

Конан вскочил, когда Тарамис вошла в спальню.

– Как твоя племянница? – спросил он.

– Ей лучше. Она спит.

Чувственная женщина лишь слегка приподняла руку и махнула ею в воздухе. Все четверо телохранителей вышли, не произнеся ни слова.

– А как ты, вор? Ты спишь или бодрствуешь? Уже поздно, а ты почему-то решил поговорить о моей племяннице.

От резких шагов разрезы ее одеяния распахивались, открывая взгляду ничем не прикрытую кожу.

Киммериец смотрел на нее с сомнением. С трактирной девушкой или даже с дочкой богатого купца вопросов бы не возникло, веди она так себя. Но что касается принцесс – тут у него опыта не было.

– Да ты мужчина или нет? – рассмеялась она. – Или видение твоей несравненной Валерии вконец истощило твою мужскую силу?

Конан вспыхнул. Он знал, что бесполезно объяснять Тарамис, что стояло и стоит между ним и Валерией. Он не был уверен, что и сам окончательно разобрался в этом. Но в одном он был твердо уверен.

– Я мужчина.

Руки Тарамис взлетели к шее. Секунда – и черный шелк

водопадом сбежал к ее ногам. Своим взглядом и полной готовой она бросала ему вызов.

– Докажи!

Не теряя времени на то, чтобы дойти до кровати, Конан повалил ее на пол и представил все необходимые доказательства.

Глава 5

Конан пристально смотрел в огонь маленького костра. Сухой верблюжий помет горел неярко и не привлек бы нежелательного внимания того, кто тоже оказался бы ночью посреди равнины Замора. Киммериец вспомнил другой, волшебный, огонь на камнях алтаря. Его беспокоило, что они проехали уже целый день, а Малак все не появлялся. Вообще-то Конан никогда не позволял себе уж очень рассчитывать на чью-либо помощь, но теперь он был более чем когда-либо уверен, что ему потребуется помощь Акиро. Не только во время их путешествия, но и после, когда настанет время исполнения обещания Тарамис. Да где уж, на каком Девятом Небе Великого Зандру провалился этот Малак!

Усилием воли он заставил себя отбросить бесполезные гадания и занялся рассматриванием своих спутников. Скорее, одного из них.

Бомбатта аккуратно наполнил серебряную чашу водой из одного из их кожаных бурдюков и протянул ее Дженне. С благодарной улыбкой она протянула руку из-под белоснежного плаща, накинутого на нее, чтобы защитить от ночного холода. Девушка оказалась совсем не такой, какую Конан ожидал увидеть, и он все никак не мог привыкнуть к этому. Тарамис говорила о своей племяннице как о ребенке, и он представлял себе девочку лет девяти-десяти, а не стройную

девушку, двигавшуюся в своей свободной одежде с неосознанной грацией газели.

Конан неожиданно прервал общее молчание:

– Дженна, утром мы поедем в том же направлении?

– Госпожа Дженна, понял, вор? – почти рыча, поправил его Бомбатта.

Дженна вздрогнула, словно удивившись тому, о чем ее спрашивают. Ее глаза, похожие на глаза молодого олененка, на мгновение остановились на Конане, а затем повернулись к Бомбатте. Ему и был адресован ответ:

– Более точно я смогу сказать завтра. А пока я знаю только одно: нам нужно ехать на запад.

К горам Карапаш, понял Конан. Не самое приветливое местечко, где недолго и пропасть навсегда, если не знать хорошенько эти места или не взять проводника. На картах были нанесены лишь основные перевалы, использовавшиеся как торговые пути. А местные жители, хоть и не такие озлобленные, как горные племена Кезанкиана, вовсе не отличались хорошим отношением к чужестранцам. Они имели обыкновение улыбаться гостю, приветливо встречать его и лишь затем, улучив момент, втыкали ему нож промеж ребер.

Киммерийца не удивляло, что он не получил ответа сам. С самого их отъезда из дворца Тарамис, еще до восхода, она ни словом не перемолвилась с ним, весь разговор шел только через Бомбатту. Но, будучи мастером своего дела, он понимал, что для вора нет ничего важнее информации. Поэтому

он продолжил этот странный разговор:

– А как тебе удастся узнать дорогу? Ключ сам притягивает тебя к себе?

– Ее не следует спрашивать, понял, вор? – вновь вскипел Бомбатта.

Где-то вдали завыл волк. Тяжелый, почти потусторонний звук, казалось, смешался с темнотой, пронизанной лунным светом.

– Что это, Бомбатта? – с любопытством спросила Дженна.

Человек со шрамами на лице бросил еще один уничтожающий взгляд на Конана, прежде чем ответить:

– Это такой зверь, малышка, что-то вроде собаки.

– А мы его увидим?

– Может быть, придется, малышка.

Конан тряхнул головой. Девчонка восхищалась всем подряд, ничего не зная о жизни в этом мире. Пустые улицы Шадизара, по которым они ехали к выходу из города, шатры караванов и спящие верблюды, стая гиен, следовавших за ними в течение полудня на почтительном расстоянии, – все так радовало ее, зажигало искорки в глазах и служило поводом для множества вопросов Бомбатте.

– То, что мне не удастся у тебя выяснить, может погубить нас, – продолжал убеждать ее Конан.

– Не пугай ее, вор! – процедил Бомбатта. Дженна положила ладонь на скрывавшую руку воина кольчугу:

– Я не боюсь, Бомбатта. Мой добрый Бомбатта.

– Ну тогда скажи мне, как ты определишь, где искать Ключ. Или расскажи Бомбатте, если ты по-прежнему не хочешь говорить со мной.

Ее глаза обратились было к Конану, но затем остановились где-то на полпути между Киммерийцем и высоким воином в черных доспехах.

– Я не знаю точно, как я нахожу дорогу. Просто так получается. Как будто я здесь уже была, – она трянула головой и рассмеялась. – Конечно, я понимаю, что этого не может быть. Я ведь ни разу в жизни не покидала тетиного дворца вплоть до сегодняшнего утра.

– Если ты скажешь, куда нам нужно идти дальше, пусть даже приблизительно, я, наверное, смогу найти более короткий путь, короче, чем тот, по которому ты нас ведешь.

Вспомнив о том, что сказала Тарамис об особом расположении звезд, необходимом для оживления Валерии, Конан сжал в кулаке золотой амулет, висевший на его шее, и добавил:

– У нас мало времени.

Дженна в ответ еще раз трянула волосами и продолжила:

– Когда я вижу перед собой нужное место, я вспоминаю его. Но сначала мне нужно его увидеть.

Вдруг она рассмеялась и упала на спину, глядя прямо в звездное небо.

– А еще, я вовсе не хочу, чтобы наше путешествие закончилось побыстрее. Я хочу, чтобы оно продолжалось как мож-

но дольше.

– Нет, малышка, так не получится, – сказал Бомбатта, – нам нужно вернуться в Шадизар через шесть ночей.

Конан сделал все возможное, чтобы сохранить невозмутимое выражение лица. Этого еще не хватало. Его срок наступит через шесть ночей. Но Бомбатте нет никакого дела до воскрешения Валерии. Что же еще должно произойти в эту ночь?

– А теперь, девочка, тебе пора спать, – продолжил человек со шрамами, – нам рано в дорогу, ты должна хорошо отдохнуть.

Говоря это, он занялся приготовлением постели: убрал камни с земли и взрыхлил это место кинжалом.

– Бомбатта, ну пожалуйста, можно я еще немного посижу с вами? Здесь даже звезды не такие, какими я их видела из дворца. Они как-то ближе. Кажется, что до них можно почти достать рукой.

Бомбатта молча расстелил на рыхлой земле одеяло.

– Ой, как здорово, – сказала она, ложась и прикрывая ладонью зевок, – мне так хочется все попробовать, все испытать.

Лишь только она легла, Бомбатта укрыл ее вторым одеялом. В его движениях была видна неожиданная нежность.

– Ты еще все увидишь, все испытаешь, я обещаю тебе, девочка. Но сейчас для нас самое важное – вернуться в Шадизар через шесть дней.

Положив голову на руку, Дженна что-то пробормотала, уже сквозь охватывающий ее сон.

Он любит ее, подумал Конан, глядя на то, как Бомбатта склонился над девушкой, – самый настоящий любовник.

Не будь Дженна настолько явно девственницей, он бы подумал, что Бомбатта и вправду ее любовник.

Встав, Бомбатта подошел к костру и стал забрасывать его землей.

– Я буду дежурить первым, вор, – сказал он. Не говоря больше ни слова, он вернулся к спящей Дженне и сел рядом с нею, скрестив ноги и положив обнаженный меч на колени.

Конан сжал зубы. Этот черный стражник уселся между ним и Дженной: можно подумать, что он был главной грозящей девушке опасностью. Не спуская глаз с Бомбатты, Конан лег на землю, не выпуская рукояти меча из рук. Он даже не стал укрываться одеялом. Куда более холодные ночи были ему не в диковинку, а вот одеяло могло на мгновение задержать его, случись срочно выхватить меч. А такое мгновение могло стать роковым, когда рядом противник с клинком, уже зажатым в руке. Но даже сквозь недоверие к Бомбатте в его голове закружилась еще одна мысль: что же должно произойти в Шадизаре через шесть ночей? Именно об этом он размышлял, когда сон наконец сморил его.

Солнце нещадно жгло трех всадников, двигавшихся к западу по равнине Замора. Дженна поглубже натянула на глаза капюшон своего плаща, пытаясь найти прохладу в его тени,

падающей на лицо. Она уже поняла, что Бомбатта был прав, сказав, что плащ защитит ее от палящих лучей. Она на пробу высунула руку из-под плаща и оставила ее на солнцепеке. Сильное жжение убедило ее в правоте совета, но, даже избежав ожога, нельзя было спрятаться от самой жары. Это был как раз тот опыт, без которого, как она решила, вполне можно было обойтись.

Впереди виднелась цепочка гор со снежными вершинами. Горы Карапаш. Они манили прохладой и влагой. Дженна облизала губы, даже не почувствовав на них влаги.

– Бомбатта, а эти горы... мы до них скоро доедем?

Он повернулся к ней, и вдруг девушку пробрало чувство страха перед этим человеком со шрамами, в черном шлеме, с потным пыльным лицом. Чушь какая-то, подумала она. Бояться Бомбатты? Ей, которая знала его с самого раннего детства? Конечно, глупости.

– Не так быстро, малыш. Завтра. Хорошо, если утром.

– Но они кажутся такими близкими, – возразила она.

– Это воздух равнины. Он сокращает расстояние. А на самом деле горы намного дальше.

Дженна хотела попросить воды, но вспомнила, как Бомбатта смотрел на бурдюки после того, как она попила последний раз. Сам он попил лишь дважды с тех пор, как они выехали утром. Затем ее взгляд упал на Конана, двигавшегося впереди. Северянин сделал лишь один глоток на рассвете и с тех пор даже не посмотрел на бурдюки с водой. А теперь он

легко сидел в седле, одной рукой придерживая рукоять меча, устремив взгляд вперед и, похоже, не замечая, что солнце уже почти изжарило их заживо, даже не дойдя до зенита.

Какой странный юноша, подумала она. Он был не старше ее, это точно, но эти синие глаза принадлежали взрослому человеку, много повидавшему в жизни. Казалось, жажда совсем не мучит его, не ощущал он и палящего зноя. Интересно, а может ли что-нибудь остановить его? Дождь, снег, ветер? Она слышала рассказы о снеге в горах, высоких-высоких, выше дворца. Нет, ей казалось, что его ничем не остановишь. Наверное, поэтому тетя и послала его с нею. Он, наверное, герой, переодетый или заколдованный принц, вроде тех, которых она знала по сказкам, рассказанным ей служанками, когда тети не было рядом.

Она украдкой взглянула на Бомбатту и спросила:

– Он ведь красивый?

– Кто красивый? – ворчливо переспросил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.